

**Наринский
Валерий Исаакович**

*Доцент,
кандидат технических наук*

Прочнист по наследству

Я в МАИ уже ровно 50 лет. Если считать от начала учебы. Вроде бы, ветеран. Смешно подумать! С фирменным удостоверением, выданным еще при Советской власти. Смешно вообразить. Мы же за это боролись, воевали, ходили на демонстрации. А теперь обрели свободу. Правильно! Обрели. Но от чего и от кого?

Но сейчас не об этом. Нашему институту, а стало быть, и кафедре нашей 80 лет. И меня попросили что-нибудь сказать по этому поводу.

Почему я поступил в МАИ?

В прошлом году мы с нашей студенческой группой С-20 тоже отметили за столом свой пятидесятый юбилей в авиации. А, надо сказать, что встречаемся мы, однокашники, ежегодно в выбранный нами день. И, что еще более удивительно, ни один из нас в жуткие 90-е годы смены нашего общественного строя не бросил авиацию. Уходили люди с работы, меняли род занятий, выживали, кто как мог. А потом, при первой возможности, возвращались на прежние места. И при юбилейной встрече решили поведать друг другу, как нас занесло в МАИ. Какие мечты, надежды, взгляды и увлечения нас влекли? Почему-то такого вопроса мы раньше друг другу не задавали.

И каждый рассказал.

По-разному это все было. У меня лично проблем не существовало. Мои родители окончили МАИ и оба работали прочнистами.

Отец родился в Черниговской области и был в семье последним, тринадцатым ребенком. Это было в 1912 году. Некоторые дети скончались от болезни, кто-то погиб в Гражданскую войну. Отца их, моего деда, который имел телегу, притащила из леса в деревню лошадь, а его «извоз» разграбили. В живых остались мать, трое братьев и две сестры.

Одна из сестер, тетя Фаня, окончила в Москве институт, была инженером-химиком и пригласила отца после окончания школы в тридцатом году пожить у них на Красной Пресне. В их шестнадцатиметровой комнате отец был пятым, потому что у сестры были муж и два сына. Отец мой работал на фабрике «Трехгорка» и через год решил поступить в только что созданный институт - МАИ.

Я люблю рассказывать студентам о том, как отец поинтересовался в приемной комиссии, что нужно сдавать. Ему сказали, что физику, алгебру и какую-то тригонометрию, о которой отец слышал первый раз. Он вооружился учебником Рыбкина, не спал двое суток и сдал на что-то пристойное.

В МАИ он познакомился с моей мамой, и они поженились в 1936 году. Стало их в комнате шестеро. Спали за шкафом, отгородившись занавесочкой.

Постепенно народ в комнате стал убывать. Арестовали и расстреляли мужа папиной сестры. Он был секретарем райкома ВЛКСМ. Затем, как члена семьи, арестовали и папину сестру, а детей их отправили в детский дом, откуда их забрала потом моя полуграмотная бабушка из города Щорса.

Отец с матерью получили комнату в Химках, где работал в КБ Лавочкина мой отец. Мать не стала авиаконструктором по той простой причине, что её отца, моего второго деда, начальника участка Казанской железной дороги, арестовали за то, что на другом участке дороги сошел с рельсов поезд. Мать из института попросили уйти. Брата матери лишили брони и призвали в армию, где он, Валерий Чудодеев, погиб на Курской Дуге. Дед мой из лагерей не вышел, но арестовали за недонесение мою вторую бабушку. Она отбывала заключение в лагерях Потьмы. Тем временем родился я. Это случилось

накануне войны, и мать моя вышла из роддома совершенно седая.

Родителей моих и, разумеется, меня вместе с ними эвакуировали в Тбилиси, где проектировались и делались самолеты ЛаГГ-3. А после войны отец мой снова вернулся к Лавочкину в Химки, где работал начальником бригады прочности крыла и фюзеляжа. А мама была расчетчицей в бригаде флаттера, и очень гордилась, что за ней «проверяющих» не было, по причине её аккуратности и безупречности.

В 1949 году отец защитил первую на предприятии диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Тема была по прочности стреловидного крыла, где он рассчитывал корневой треугольник. На защите диссертации в ЦАГИ её оппонировал Келдыш.

А еще через несколько месяцев отец мой был уволен с завода Лавочкина по сокращению штатов. Самолеты были нужны, кандидаты наук тем более, но штаты были раздуты Исааками Эммануиловичами и Наумами Абрамовичами. И пошел мой отец по авиационным КБ. Обошел все. Но нигде не нужны были специалисты по прочности, потому что их тогда надо было сокращать.

Отец пришел к Лавочкину. Спросил, что ему делать и где искать работу. Лавочкин поднял со стола газету «Правда» и сказал: «Читай!» И отец прочел, что в горнорудной промышленности очень необходимы конструкторы с сохранением жилья по месту жительства.

Отец пришел домой и сказал нам с бабушкой: «Вы остаетесь в Москве, а мы с мамой едем в город Лениногорск, где я буду проектировать буровые станки». Первый станок моего отца по весу был в несколько раз легче прежнего. Затем он начал проектировать самоходные станки не для подземных, а для открытых разработок. Стал доктором технических наук и одним из лидеров шарошечного бурения в стране. При этом ему очень помогли знания по аэродинамике. Он воздухом выдувал шлам из длиннющей трубы долота. Вот таким он был прочнистом, получив закалку в МАИ.

Поэтому выбора для меня не было. А придя в МАИ, я очень увлекся самодеятельностью. Были тогда в институте самодеятельные художественные коллективы на каждом

факультете, попасть на представления которых было практически невозможно. В зал забирались с крыш, через окна и подсобные помещения. Неповторимые фестивали «Студенческая весна» каждого факультета с жестким отбором самых лучших и невероятно талантливых ребят.

Эстрадно-сатирические коллективы блистали на каждом факультете. «Вертолет» - на самолетном факультете. В нем играл потрясающий будущий кинорежиссер Элем Климов. «Моторчик» - на втором факультете. Там блистал стихами и юмором Саша Янгель. А вслед за ним через несколько лет - Михаил Задорнов

Элем Климов.

Саша Янгель.

. «Индикатор» - на третьем факультете, откуда появился писатель-сатирик Лион Измайлов.

Михаил Задорнов.

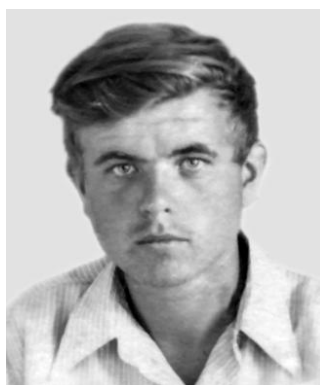

Лион Измайлов.

«Старт» - на четвертом факультете. На пятом факультете появилась удивительная солистка - Майя Кристалинская. И всех их перекрывал по юмору и веселью легендарный «ТЕЛЕВИЗОР» в нашем родном Доме культуры. Оттуда перешли в литературу Феликс Камов и Эдуард Успенский. А руководил им в то время Толя Королев.

Майя Кристалинская.

Анатолий Королев.

Феликс Кандель.

Эдуард Успенский.

Разве мог я остаться равнодушным к такому сборищу талантов! И я пошел в «Вертолет». Будучи абсолютно бездарным в актерском плане, я стал там одним из авторов миниатюр и спектаклей. Воевал с прочими театрами на фестивалях искусств.

В 1963 году из института ушел, с громадной группой соратников, Толя Королев. Незабвенный директор Дома культуры Абрам Эммануилович Бронштейн, оставшись без «Телевизора», который гремел на всю Москву, придумал организовать ему замену из всех эстрадно-сатирических коллективов института. В эту «сборную» попал и «Вертолет» со всей командой. Меня выбрали старостой, руководителем авторской группы, и я стал учиться еще меньше.

В 1963 году нас пригласили принять участие на одной из ранних встреч Клуба весёлых и находчивых (КВН). Лидером, нашим Капитаном, стал потрясающий остряк Игорь Шаталов, а главным «стихоплетом» - неповторимый Саша Янгель, сын знаменитого отца.

Игорь Шаталов

В первой игре мы не оставили «камня на камне» от команды журналистов из МГУ. Во второй и последующих встречах, передаваемых в прямом эфире, расправились еще с двенадцатью командами московских ВУЗов и студентами из МИИТа. По совершенно загадочным для меня причинам нас остановила команда МАДИ. Нашим приветствием с командой

Чарли Чаплиных и репризами в стихах из разминки до сих пор балуют зрителей в юбилейных выпусках КВН, а номер «Лекция о смехе» признан студенческой классикой до сей поры.

Команда Чарли Чаплиных

Но, увы! Больше во встречах КВН на телевидении мы не участвовали. Нашему капитану Игорю Шаталову предлагалось место ведущего, но Шаталов предпочел работу конструктора, для которой он и был создан природой и учебой в МАИ. Тогда место ведущего КВН занял Александр Маслюков. В институт Шаталов вернулся из Реутова через несколько лет и стал незабываемым педагогом.

А наш коллектив «Телевизор» в 1966 году пригласили принять участие в Первом Всесоюзном фестивале студенческих театров. Пригласили потому, что знали «Телевизор» и видели наш последний, ни на что не похожий спектакль «Снежный ком или выведенное яйцо», который мы с ребятами создали под началом Феликса Камова и Эдуарда Успенского, работавших тогда авиаконструкторами, и с первым режиссером «Телевизора» Александром Матвеевичем Макеевым.

Сцены из «Снежного кома»

Спектакль был настолько единым, острейшим по своему социальному, а не студенческому сюжету, блестяще сыгранным актерами «Телевизора», и отвечавшим

настроениями «оттепели», что мы его показали за четыре месяца 23 раза не только в ДК, но и во многих домах творчества Москвы и даже добрались до делегатов XXIII съезда КПСС. Везде наши выступления сопровождались обсуждениями и высказываниями писателей и журналистов.

Спектакль шёл под ведением ЦК ВЛКСМ, многократно корректировался всеми организациями, но при соблюдении всех поправок и уточнений становился фактически еще более смешным и острым.

Спектакль двигали вперед, этому продвижению препятствовали все. И вот - сам фестиваль. В старом ДК МГУ на Моховой все вокруг оцеплено, и попасть туда невозможно. Жюри фестиваля, совместно с другими тогдашними «звездами», возглавляет Аркадий Райкин. После спектакля – овация со стоящим жюри в течение пятнадцати минут. Фурор! На следующий день фестиваль закрывают, делают этот день выходным, потому что надо выдвигать победителя и говорить о нем в прессе. А он всем очевиден.

Здесь и далее жюри ...

Через три дня только под натисками Аркадия Райкина состоится подведение итогов и награждение лауреатов. На заключительном вечере выдвигаются пять победителей без обозначения мест. Формально - мы не первые. Нам не разрешили сыграть ни одной сцены из спектакля, но награждают памятными листочками. На нашем листочке написано, что он дан не за спектакль, а «За многолетнюю

творческую работу в деле развития самодеятельного искусства». И ни одного лауреата, ни из МАИ, ни из МГУ, а там лидером был Марк Розовский и играли многие звезды будущего, вплоть до Александра Филиппенко, Семена Фарады и Геннадия Хазанова.

Зрительный зал ...

Мы поняли, что спектаклю конец, и распрощались с «Телевизором».

Это не совсем верно. Вместе с нами «Телевизор» исчез из Дома культуры МАИ.

Но я не распрощался с МАИ. Меня распределили в институт год назад, когда «Телевизор» был в фаворе. Я начал работу на кафедре 101. Сейчас она нумеруется как 602. Я был инженером и не порывал с творчеством.

Мы начали писать веселые тексты для пары известных чтецов - Лившица и Левенбука. Все это делалось под надзором Феликса Канделя, который в то время руководил литературной частью киножурнала «Фитиль». И у нас организовался авторский коллектив: В. Наринский, В. Орлов, Э. Попов и Л. Поляк. Мы придумали себе псевдоним «Измаиловы», дескать, все мы из МАИ.

Со временем состав изменился. Попов и Орлов стали заниматься инженерной деятельностью, я ушел в аспирантуру к академику И.Ф. Образцову, заведовавшему кафедрой 603, а точнее, к его соавтору Г.Г. Онанову, которому помогал писать монографию «Механика скошенных тонкостенных систем». А Лион Поляк стал профессиональным эстрадным автором,

изменив только одну букву в нашем псевдониме. Он стал Лионом Измайловым.

Я защитил кандидатскую диссертацию в 1973 году, стал инженером, затем ведущим инженером, старшим преподавателем и, наконец, доцентом кафедры 603. И здесь остановился в своем служебном росте. Я не тот прочнист, каким был мой отец, но педагог. Какой? Судить не мне.

Но связей с эстрадой тоже долгое время не терял. Я сочинял вместе с Лионом Измайловым для Геннадия Хазанова, Евгения Петросяна, Евгения Винокура. Сначала не называя свою фамилию, потом под фамилией матери, став Валерием Чудодеевым. Вместе мы издали мою первую книгу «Доля истины». Я изредка писал свои рассказы, стал лауреатом премии «Золотой теленок» Литературной газеты.

Это было в то время, когда я пробовал бороться с глупостью окружающих. А позже я переключился на войну со своим здоровьем. И здесь меня выручили близкие люди - жена и многочисленные друзья. Перечислять их здесь не буду. Я, судя по всему, живуч и немного «шевелю мозгами» только благодаря помощи окружающих. Низкая моя признательность всем и по сей день.

Я и Полейко

За последнюю четверть века у меня появился другой соавтор - маёвец Вячеслав Полейко. С ним мы написали пару

книжек, одна из которых детская – «Педагогическая сказка», несколько рассказов и номеров для Михаила Евдокимова и Яна Арлазорова, увы, теперь покойных.

Но и этому периоду пришел конец после очередной гримасы здоровья. И опять моя признательность сослуживцам по кафедре. Мне предоставили возможность заниматься педагогикой, не «загружая мозги» НИРОм.

Так и живем. Часть мозгов вымерла, другая часть еще теплится, побуждая к воспоминаниям. В издательстве МАИ я опубликовал три сборника.

Первый посвящен писателям-юмористам, вышедшим из МАИ. Называется он «Комическая смеханика». Здесь представлено творчество Феликса Камова, Эдуарда Успенского, Лиона Измайлова, Валерия Чудодеева, Михаила Задорнова, Вячеслава Полейко, Виталия Чебурова и слегка переделанный наш искромётный спектакль, наделавший столько шуму двадцать лет назад.

Вторая книжка - это воспоминания «Жил да был «Телевизор» в МАИ», посвященная пятнадцатилетнему совместному творчеству маёвцев разных поколений и нашим выступлениям в КВН и на Всесоюзном фестивале.

Третья книга называется «Дурдом». Здесь наш с Полейко юмор по поводу Перестройки.

Сейчас заканчиваю последнее обязательство - пытаюсь издать сборник воспоминаний о друге своем, доценте кафедры 101 Игоре Алексеевиче Шаталове к его семидесятилетнему юбилею.

Вот и все, что я могу сказать о том, почему я не такой потрясающий прочнист, каким был мой отец, а лишь преподаватель по прочности, почему я не известный юморист, хотя очень люблю изящество этого жанра, и немного про то, что мне удастся вспомнить со всеми моими старческими осколками памяти.

Главное, не терять оптимизма и, глядя на нашу жизнь, пытаться улыбнуться её смехотворным чудачествам.

2010 год